-54

0-54

Дешевая Народная Библіотека

Н. ОЛИГЕРЪ.

СУХАРИКЪ.

СЪ КРАСНЫМЪ КРЕСТОМЪ.

1898/13

Изданіе
состоящаго
подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества
ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
покровительствомъ
Кобелевскаго комитета

О-54

Сухарикъ.

Разсказъ.

Дни наступили коротенькіе,—короче воробьинаго носа,—и такіе мутные, туманные, бѣлесые. По утрамъ приходится вставать съ огнемъ. Въ ламповомъ стеклѣ коптитъ красный языкъ, красный свѣтъ мѣшается съ бѣлесыми сумерками,—и отъ этого особенно лѣнь подниматься, натягивать чулки, чистить зубы. Отъ молока, конечно. всегда пахнетъ пригорѣлымъ, а булка—черствая, Нарочно подсовываютъ черствую булку.

Потомъ приходитъ учитель Иванъ Зотычъ и, позѣвывая, садится съ краю стола, подпираетъ локтемъ подбородокъ и, пожевавъ губами, начинаетъ что-нибудь въ такомъ родѣ:

— Послѣ Святокъ перейдемъ къ именованнымъ, а пока повторимъ всѣ четыре дѣйствія надъ многозначными! Ну-ка, пишите...

Глѣбъ съ нарочитой медленностью выписываетъ цифры, проводитъ подъ семизначнымъ длиннѣйшую толстую черту.

— Иванъ Зотычъ, я перемѣню перышко? Это опять цѣпляетъ!

Какъ ни тяни, а все-таки, приходится, наконецъ, браться за умноженіе.

— Пятью восемь—сорокъ. Ноль пишу и четыре въ умѣ... Семью девять... Знаете, Иванъ Зотычъ,

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
549121

французы новый порохъ выдумали! Цѣлыя шеренги валятся. Позеленѣютъ—и валятся!

— Не знаю, не слышалъ. Нужно сейчасъ объ урокѣ думать. Ну-ка, семью девять...

А день все не приходитъ,—настоящій, свѣтлый, солнечный. И хочется спать, а по спинѣ отъ лѣни бѣгаютъ мурашки.

— Иванъ Зотычъ, геометрія—трудная?

— Для прилежнаго ученика ничего нѣтъ труднаго. Нужно только сначала изучить ариѳметику.

— Да мнѣ, покамѣстъ, и не надо геометріи-то... Это только для артиллеристовъ! А я въ развѣдчики пойду. Вы знаете, Иванъ Зотычъ, я читалъ въ газетѣ: юные развѣдчики иногда приносятъ арміи огромную пользу. Переодѣнусь въ крестьянское платье и заберусь въ самый центръ непріятельскаго расположенія... Или, напримѣръ, сигнализировать съ наблюдательнаго пункта: перелетъ! недолетъ! правильно!..

— Я вотъ папашѣ опять пожалуюсь, если вы будете отвлекаться посторонними предметами. Нужно работать! Кто это возьметъ васъ въ развѣдчики, если вы даже работать не хотите?

Какъ разъ къ концу урока, за русской диктовкой, звонитъ колокольчикъ. Это—почтальонъ. Горничная проноситъ мимо цѣлую кипу почты и кладетъ ее въ гостинной, на кругломъ столѣ. Тамъ она и будетъ лежать, пока не придетъ со службы папа.

— Иванъ Зотычъ, я усталъ! Ей-Богу... У меня даже рука совсѣмъ не движется.

— Нельзя такъ! Еще десять минутъ остается. Папаша мнѣ не даромъ деньги платитъ.

И хоть умри тутъ,—все равно, высидитъ полностью свои два часа, изъ минуты въ минуту. И

такое у него противное лицо: не даромъ даже и на войну не взяли.

— Ну-ка, повторите мнѣ къ слѣдующему разу коренныя слова съ буквою „ять“. Развѣ можно писать лѣсъ черезъ „е“ простое?

— Это я нечаянно. Иванъ Зотычъ, а вы почему въ солдаты не пошли? Развѣ вы ужъ такой старый?

— Ничего я не старый! Просто у меня льгота. Да и по состоянію здоровья... А вы не болтайте о постороннемъ! Папашѣ скажу. Вотъ завтра буду получать жалованье—и скажу. Къ слѣдующему разу перепишите по десять разъ всѣ ошибки!

— По десять разъ? У меня мѣста не хватитъ! Видите, тетрадка кончается...

Ушелъ, наконецъ, Иванъ Зотычъ. Во всемъ домѣ тихо, пусто. Папа на службѣ, экономка—въ кухнѣ, сестра—въ лазаретѣ. А мамы и вообще давно уже нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ,—такъ давно, что Глѣбъ ея совсѣмъ не помнитъ.

Изъ классной перебирается въ гостинную, къ круглому столу. Осторожно вытягиваетъ изъ бандероли свѣжую газету, развертываетъ большой шуршащій листъ и на просторѣ предается чтенію. Прочитать все сплошь—и двухъ дней не хватитъ, но газета напечатана очень удобно. Самый крупный шрифтъ — самое важное, помельче, — тоже интересно, а мелкаго можно совсѣмъ не читать. О войнѣ въ этомъ мелкомъ не бываетъ почти ни единаго словечка. Глѣбъ, разостлавъ по столу газету, лежитъ на ней всей грудью и животомъ, водитъ пальцемъ отъ заголовка къ заголовку. Ужасно много попадается словъ непонятныхъ и скучныхъ, но, въ общемъ, разобраться во всемъ этомъ не такъ уже трудно. Память у Глѣба—хо-

рошая: разъ прочелъ—и запомнитъ. Это не то, что зубрить безсмысленное: „бѣлый-бѣдный-блѣдный бѣсъ...“ Вотъ только не ладится съ картой.

Большущая карта виситъ у папы въ кабинетѣ, и кое-гдѣ торчатъ на ней разноцвѣтные флаги. Первое время, какъ началась война, папа самъ, покряхтывая, взбирался на стулъ и цѣлился булавками въ едва замѣтные кружочки. Но скоро запутался и охладѣлъ, и на Глѣбову просьбу отозвался равнодушно:

— Что? Флаги ставить? Ставь, если хочешь! Все-таки, географіи подучишься. Только карту не порви.

А для справокъ разрѣшилъ пользоваться вчерашними, уже прочитанными, газетами. Но для Глѣбовыхъ широкихъ горизонтовъ мелочная возня съ флагами тоже оказалась дѣломъ мало подходящимъ. Такія вещи можно было бы поручить даже и Ивану Зотычу. А Глѣбу прежде всего—некогда. Одна только газета иной разъ отнимаетъ времени часа полтора,—особенно, когда есть приложенія съ картинками. Потомъ экономка выгоняетъ на дворъ,—гулять, потому что это полезно для здоровья. Дворъ—большой, но такой чистый, что нѣтъ возможности построить изъ снѣга хотя бы маленькую крѣпость. Сосѣдскія дѣти катаютъ другъ друга на салазкахъ или просто слоняются уныло изъ угла въ уголъ. Народъ все мало занимательный, любитъ ссориться и ябедничать. Мелюзга... Глѣбъ готовится весной сдавать за два класса гимназіи, такъ что ржать по-лошадиному или прыгать вокругъ всего двора на одной ногѣ совсѣмъ не соотвѣтствуетъ его соціальному положенію.

Еще совсѣмъ недавно былъ, правда, одинъ

настоящій товарищъ. Учился въ городскомъ училищѣ, уже множество разъ курилъ и дважды пилъ водку. Однимъ словомъ,—взрослый. Водить съ нимъ дружбу Глѣбу запрещалось, потому что онъ былъ „изъ простыхъ“, но, тѣмъ не менѣе, Глѣбъ подружился. И вдвоемъ они дали жизнь великому замыслу. Основную мысль подалъ, собственно говоря, курильщикъ изъ городского училища, но детали разработалъ Глѣбъ,—и онъ же подвелъ подъ фантастическій замыселъ достаточно реальный фундаментъ.

— Развѣ мы первые? Да ихъ, можетъ быть, уже многія тысячи уѣхали! А одного я и самъ видѣлъ: вернулся въ солдатской формѣ, съ Георгіемъ, и рука на перевязкѣ.

— Вотъ только, какъ насчетъ дорожныхъ припасовъ?—сомнѣвался курильщикъ.—У насъ дома хлѣбъ-то, братъ, на счету! Много не накрадешь.

— Это ничего, я и одинъ накоплю. У меня и денегъ есть полная копилка. Только вотъ ключъ у сестры спрятанъ. Да я ничего, добуду!

Но на прошлой недѣлѣ курильщикъ въ обычный часъ появился на дворѣ и сообщилъ мрачно:

— Меня въ аптекарскій магазинъ мальчикомъ отдаютъ. Вотъ тебѣ и поѣхали!

— Такъ что же такое, если и въ магазинъ? Все равно. Убѣжать можно!

— Попробуй, убѣги! Тамъ, братъ, за мальчиками-то надзоръ, какъ въ арестанскихъ ротахъ. Да и мать говоритъ: зарабатывать, молъ, надо, а то всѣ съ голоду передохнемъ. Это какъ?

Глѣбъ былъ пораженъ этой измѣной и, какъ ни крѣпился, заплакалъ.

Разстались навсегда холодными и смертельными врагами. Глѣбъ дня два сильно хандрилъ,

не готовилъ уроковъ, остался безъ сладкаго и безъ кинематографа, но на третій день уже совсѣмъ оправился и съ удвоеннымъ усердіемъ принялся за прерванныя было приготовленія.

Былъ у него собственный шкафикъ для книгъ, игрушекъ и всяческой дѣтской мелочи. На нижней полкѣ этого шкафика понемногу скапливались теперь предметы странные и разнообразные: печенье „Альбертъ“, огрызки шоколода, пустой патронъ отъ солдатской винтовки, чай, сахаръ, компасъ, увеличительное стекло, толстый гарусный шарфъ и даже самыя настоящія бумазейныя портянки. Солдаты, какъ извѣстно, чулокъ не носятъ. На портянки пошла экономкина нижняя юбка, а заворачивать въ нихъ ноги научилъ дворникъ. За портянками, въ дальнемъ углу, притаились папиросы. Это уже сказалось вліяніе курильщика изъ городского училища, потому что самъ Глѣбъ отъ одного только запаха табаку надрывно чихалъ и кашлялъ.

И вотъ все это нужно каждый день перебрать, пересмотрѣть, обдумать, чего еще не хватаетъ,— и притомъ соблюдать крайнюю осторожность. Необходима строгая тайна.

Глѣбъ ползаетъ по газетѣ отъ заголовка къ заголовку и, вмѣсто мертвыхъ, слѣпо отпечатанныхъ буквъ, такъ отчетливо видитъ поля великихъ сраженій, дышащія огнемъ батареи, молніеносную конницу. Гудятъ высоко въ небѣ аэропланы. Все это такъ непохоже на обыкновенную жизнь и такъ властно манитъ. И Глѣбъ, собственной персоной, поспѣваетъ вездѣ: въ стрѣлковомъ окопѣ и на батареѣ, на конѣ и на аэропланѣ. Генералъ прикалываетъ къ его груди георгіевскій крестъ, гремитъ музыка.

Глѣбъ переворачиваетъ газету и наталкивается на списокъ убитыхъ, раненыхъ и пропавшихъ безъ вѣсти офицеровъ. И думаетъ, что въ концѣ войны, когда уже ясно, чѣмъ кончится, его самого тоже могутъ, пожалуй, убить. Онъ пойдетъ на опасную развѣдку и вернется съ успѣхомъ, но смертельно раненый. Разскажетъ все, что слѣдуетъ, вытянется, сложитъ на груди руки и умретъ. И опять придетъ генералъ, смахнетъ непрошенную слезу и скажетъ;

— Онъ умеръ за отечество смертью героя!

У Глѣба глаза тоже мокнутъ: очень ужъ живо онъ представилъ себѣ плачущаго генерала. И, чтобы разсѣяться, принимается за длинный списокъ. Къ офицеру, дядѣ Колѣ, сестрину мужу, ходило въ гости много знакомыхъ военныхъ, и вотъ трое изъ нихъ уже были здѣсь напечатаны: одинъ убитый и двое раненыхъ. Сестра, послѣ того, какъ появились эти знакомыя фамиліи, очень разстроилась и перестала заглядывать въ списки, а папѣ — некогда. Читаетъ ихъ одинъ только Глѣбъ—и то не очень аккуратно. Читаетъ только потому, что сестра часто справляется:

— А что, Сухарикъ, никого не было въ газетѣ изъ знакомыхъ?

„Сухарика“ выдумалъ дядя Коля.

— Ты,—говоритъ,—не Глѣбъ, а Хлѣбъ. И даже не хлѣбъ, а просто напросто, маленькій Сухарикъ.

Такъ и пошло.

Глѣбъ посмотритъ на сестру — бѣлокурую, блѣдненькую, въ темномъ платьѣ—и почему-то вздохнетъ.

— Нѣтъ, знакомыхъ не было! А вотъ шотланд-

скій королевскій полкъ неподалеку отъ Диксмюде...

И пойдетъ излагать гладко, точь въ точь, какъ въ корреспонденціи. Сестра всегда дѣлаетъ видъ, что слушаетъ, хотя и занята чѣмъ-то другимъ. Сестра вообще — прехорошій человѣкъ, и изъ всѣхъ людей, кого только знаетъ Глѣбъ, она—самая лучшая. И, главное,—самая близкая. Кромѣ того, у нея мужъ—офицеръ, былъ уже въ пяти большихъ бояхъ и получилъ орденъ. Это тоже не послѣднее дѣло.

Сегодня списокъ не длинный.

„Безъ вѣсти пропалъ!“ — съ чувствомъ разобралъ Глѣбъ, усиленно шевеля губами. Нацѣлился глазами на одну единственную фамилію—и ахнулъ. Перечиталъ разъ, другой, потомъ скатился кубаремъ со стола и пустился по всѣмъ комнатамъ искать кого-нибудь живого,—хотя бы экономку. Казалось, что необходимо подѣлиться оглушающей новостью,—иначе душа не выдержитъ. Но экономка куда-то пропала,—должно быть, ушла за покупками. Глѣбъ заглянулъ даже въ ванную комнату, — и вдругъ прекратилъ свои поиски такъ же внезапно, какъ началъ.

Нѣтъ, такъ не годится. Сначала надо хорошенько подумать.

Забрался въ свой любимый уголокъ, въ дѣтской за шкафикомъ, и просидѣлъ тамъ, тихій, почти до самаго обѣда. Отъ упорныхъ думъ заболѣла голова, но зато къ приходу сестры все было уже рѣшено и взвѣшено.

Сестра пришла, какъ всегда, усталая, принесла съ собой запахъ іодоформа и еще чего-то сладкаго. Глѣбъ слышалъ, какъ она переодѣлась

у себя въ комнатѣ, потомъ заглянула въ дѣтскую. Глѣбъ согнулся надъ тетрадью и выписываетъ старательно: „Лесъ. Лесъ. Лесъ“.

— Какъ живешь, Сухарикъ?

— Спасибо... Вотъ опять ошибки...

Ухъ, сейчасъ спроситъ! Нѣтъ. Только заглянула въ тетрадку, усмѣхнулась и пошла молча. Пока пронесло.

За обѣдомъ Глѣбъ былъ чрезвычайно развязенъ, каталъ во всю хлѣбные шарики и громогласно разсказывалъ:

— Шрапнель разрывается въ воздухѣ, а бризантный снарядъ—при ударѣ объ землю! Поэтому для обстрѣла стрѣлковыхъ цѣпей бризантные снаряды совсѣмъ не годятся, хотя нѣмцы...

А у папы что-то неладно съ дѣлами, и онъ киселъ, какъ уксусъ.

— Гдѣ у тебя руки? Чортъ знаетъ, какой хулиганъ растетъ!

Глѣбъ пропускаетъ это замѣчаніе мимо ушей. Настолько несправедливо, что даже не стоитъ обижаться. Въ промежуткахъ между блюдами исподволь подобрался къ завѣтной темѣ и изрекъ за сладкимъ:

— Если кто-нибудь пропалъ безъ вѣсти, такъ это вовсе не значитъ, что онъ погибъ! Я читалъ, что тутъ много бываетъ разныхъ случаевъ. Напримѣръ, раненый заползетъ въ кусты, а потомъ его подберетъ непріятель. Или просто пойдетъ на развѣдку и заблудится. Тогда нужно поселиться гдѣ-нибудь у крестьянина въ избѣ и прятаться въ подвалѣ, пока опять не подойдутъ наши.

Сестра вдругъ удивленно подняла брови.

— Что это ты на меня такъ смотришь, Сухарикъ?

— Нѣтъ, я ничего! Я обыкновенно смотрю. Я только говорю, что если кто-нибудь...

— Да нѣтъ, я знаю же... Почему у тебя щеки такія красныя? Кто это пропалъ безъ вѣсти?

— Такъ я говорю только, если кто-нибудь, можно отправиться самому и найти... И если онъ въ плѣну, то даже помочь бѣжать! Я вотъ читалъ еще сегодня, что около Диксмюде...

— Ты это уже вчера разсказывалъ,—про Диксмюде... Гдѣ газета?

Газета, конечно, лежитъ тамъ, гдѣ ей полагается,—на кругломъ столѣ, вмѣстѣ со всей почтой. Сестра метнулась туда, какъ птица, развернула большой сѣрый листъ. И все открылось.

Глѣбъ не могъ представить себѣ ничего хуже тѣхъ двухъ томительныхъ недѣль, которыя прошли за этимъ несчастнымъ днемъ. Сестра сдѣлалась совсѣмъ прозрачная, глаза у нея запухли отъ слезъ, а къ папѣ нельзя было подступиться. Папа куда-то ѣздилъ, а сестра все посылала срочныя телеграммы,—и оба не могли ничего добиться. Никто не зналъ о дядѣ Колѣ сверхъ того, что было сказано въ коротенькой строчкѣ: пропалъ безъ вѣсти. Отецъ совѣтовалъ запастись терпѣніемъ, а сестра отвѣчала ему глухимъ такимъ, пустымъ голосомъ:

— Ужъ лучше бы мнѣ знать навѣрное, что онъ умеръ. А то такъ вотъ каждую минуту переходить отъ надежды къ отчаянію,—мнѣ этого не вынести...

И разъ, когда ушелъ папа, подкрался къ сестрѣ Глѣбъ, обнялъ ее и зашепталъ таинственно:

— Ничего, ты не огорчайся такъ! Я постараюсь. Вѣдь знаешь, какъ я тебя люблю... Ужъ я постараюсь!

И сейчасъ же убѣжалъ, уклонившись отъ подробныхъ объясненій. Сестра подумала объ этихъ словахъ минутъ пять—и забыла. Не вспоминала даже, когда, дня за три до сочельника, Глѣбъ попросилъ у нея ключъ отъ копилки.

— Хочу посмотрѣть, сколько у меня тамъ набралось.

Ключикъ возвратилъ Глѣбъ въ тотъ же день, но въ копилкѣ, вмѣсто денегъ, лежала теперь налитая свинцомъ бабка,—битокъ.

Иванъ Зотычъ на урокахъ горестно вздыхалъ и все обѣщалъ наябедничать, но Глѣбъ теперь уже намѣренно и съ нѣкоторымъ злобнымъ удовлетвореніемъ писалъ „лѣсъ“ черезъ „е простое“ и, помноживъ семь на девять, получалъ пятьдесятъ восемь. Вотъ тебѣ! Лучше бы ты не совался со своей ариѳметикой... А экономка какимъ-то образомъ отыскала обрѣзки фланелевой юбки и подняла огромный скандалъ.

— Вѣдьма!—не сдержался Глѣбъ.—Погодите, недолго уже вамъ...

И стоялъ въ углу спокойный и гордый, словно солдатъ на часахъ.

Елку на этотъ годъ папа рѣшилъ отмѣнить.

— И время не такое, да и ты, хулиганъ, не стоишь!

Но неожиданно заступилась сестра.

— Не будемъ хотя-бы дѣтямъ портить жизнь! Пусть даже елка—нѣмецкая выдумка, что же тутъ такого? Дѣти всѣ—одинаковыя дѣти, и нѣмцы, и

французы, и англичане. А елочныя украшенія у насъ всѣ остались отъ прошлаго года. Можно не покупать ничего новаго.

Такъ и настояла на своемъ,—и въ сочельникъ утромъ дворникъ принесъ маленькую елочку,—пахучую, смолистую, съ нѣжными темными иглами. Глѣбъ обошелъ ее кругомъ, осмотрѣлъ, потрогалъ. Сестра сказала:

— Давай нынче будемъ по настоящему! Ты не смотри, какъ я буду украшать. Вѣдь такъ интереснѣе, правда?

Въ прошломъ году Глѣбъ относился къ этому вопросу совсѣмъ иначе, но нынче согласился съ полной готовностью. И вообще къ нынѣшней елкѣ относился онъ какъ-то странно: словно она его ничуть не интересовала.

Сестра заперлась въ гостиной, разбирала тамъ прошлогоднія украшенія и игрушки. Раскладывала на столъ хрупкіе стеклянные шарики, бусы, хрустальныя блестки, похожія на застывшія слезы. А на щекахъ у нея то и дѣло блестѣли другія слезы,—настоящія, горячія.

Экономка ушла встрѣчать праздникъ къ родственникамъ. Папа сидитъ въ кабинетѣ, заваленный книгами и толстыми тетрадями въ синихъ обложкахъ. Глѣбъ осторожно обошелъ всю квартиру. Да,—теперь пора. Вездѣ тихо, пусто. Зато на улицахъ какъ разъ—шумъ, говоръ, толкотня. Если попасть въ эту суету,—сразу затеряешься, какъ иголка, и никто не отыщетъ. Пора!

Глѣбъ проскользнулъ въ дѣтскую, открылъ шкафикъ. Занялся дѣломъ быстро и беззвучно,—не даромъ продѣлалъ заранѣе нѣсколько репетицій. Скинулъ башмаки, замоталъ ноги портян-

ками, а потомъ натянулъ валенки. Обернулъ шею и грудь гарусным шарфомъ. Дальше—шуба, рукавицы,—и готово. За плечи—сумка съ провизіей. По карманамъ разложилъ компасъ, ножикъ и всякую другую нужную мелочь. Покончивъ съ туалетомъ, посмотрѣлся въ зеркало. Хорошо. Теперь прямо на вокзалъ—и въ товарный поѣздъ. Ночь темная, кондуктора не замѣтятъ.

Страшно торопился и потому чуть не забылъ очень важнаго. Вернулся уже съ порога и положилъ на свой столикъ, на видное мѣсто, заранѣе приготовленную записку: „Милая сестричка, я уѣзжаю искать дядю Колю. Это лучше, чѣмъ просто развѣдчикъ, потому что тоже подвигъ, а тебѣ будетъ пріятно, если я найду. Извини, что не посмотрѣлъ на елку. Ты не сердись и не безпокойся, я найду. Поцѣлуй папу и кланяйся Ивану Зотычу. Сухарикъ“

Къ горлу вдругъ подкатился жесткій комокъ, и въ груди сдѣлалось больно, но некогда было раздумывать о такихъ пустякахъ. Неслышно ступая мягкими валенками, прошелъ корридоромъ мимо запертой двери гостиной, пробрался въ переднюю. Повернулъ кнопку американскаго замка и, выйдя на лѣстницу, притворилъ за собою дверь, тихо-тихо, чтобы не хлопнула.

Сестра долго еще хлопотала въ гостиной, а папа шуршалъ въ кабинетѣ толстыми синими тетрадями. Потомъ сестра широко открыла дверь и позвала:

— Сухарикъ, готово!—Взглянула въ корридоръ.—Сухарикъ, гдѣ же ты?

Удивленно подняла брови, какъ тогда, за обѣ-

деннымъ столомъ. И въ дѣтской сразу увидѣла записку. Прочла, придерживая рукой сердце.

— Сухарикъ, мой миленькій... Да вѣдь ты уже совершилъ его,—свой подвигъ... Вернись!

И жарко и обильно опять потекли слезы,—слезы преклон нія передъ великимъ подвигомъ любви.

Съ Краснымъ Крестомъ.

(Очерки войны).

I.

Въ Карпатахъ, на большой дорогѣ въ Венгерскую равнину, нашъ отрядъ простоялъ семь недѣль. За это время на лазаретныхъ койкахъ перебывало до полуторыхъ тысячъ раненыхъ, не считая амбулаторныхъ. Просторная кухня „чиновничьяго клуба“ преобразилась въ баню, которую построилъ нашъ техникъ по собственной системѣ. Отличная вышла баня, и строилась съ большимъ одушевленіемъ. Во дворѣ лазарета въ то же время выросъ цѣлый досчатый городокъ: пріемный баракъ съ кипятильней и—гордость нашихъ кавалеристовъ—огромная конюшня. Ворота у конюшни были рѣшетчатыя и почти въ стилѣ модернъ. Однимъ словомъ, обосновались хорошо, прочно и по хозяйственному. Такъ бы вотъ и жить, да поживать здѣсь, среди вѣковыхъ сосновыхъ лѣсовъ, надъ быстрымъ Опоромъ, который неумолчно шумитъ въ мшистыхъ камняхъ. Но судьба разсудила по другому.

Пришелъ приказъ отойти, и отрядъ, вмѣстѣ съ войсками, продѣлалъ весь этотъ великій отходъ отъ темныхъ суровыхъ Карпатъ вплоть до веселой, спрятанной въ зеленѣющихъ холмахъ, Золотой Липы.

Громоздкое расчленилось на легкое, медлительное сдѣлалось подвижнымъ. Большой лазаретъ распался на нѣсколько „летучекъ“, которыя выдвигались по фронту туда, гдѣ въ нихъ чувствовалась надобность. Благодаря этому, мы могли оставаться у боевой линіи до послѣдней минуты и, конечно, только благодаря этой же нашей налаженности, сохраняли мы почти все время тѣсную и близкую связь съ нашими несравнимыми, поистинѣ сказочными войсками. Такая связь неизбѣжно выливается въ почти святое чувство,—чувство братства.

Наши войска отходили, въ этомъ отходѣ бывали моменты тяжелые и глубоко трагическіе, но я не видѣлъ моментовъ постыдныхъ. Отходили, какъ матерой звѣрь, на котораго насѣдаетъ опьяненная кровью охотничья свора,—поступью медлительной и грозной, и часто останавливались, чтобы однимъ взмахомъ еще острыхъ клыковъ внести въ ряды непріятеля опустошеніе и смерть.

Тѣ, кто пережилъ въ Галиціи начало этой войны, разсказывали съ какою-то особенной, мрачной усмѣшкой, отъ которой неловко становилось на душѣ:

— Тогда, во время нашего наступленія, австрійцы не такъ уходили... Быстрѣе. Бросали снаряженіе, припасы, рѣзали постромки у полныхъ зарядныхъ ящиковъ, чтобы только поскорѣе ускакать. И дороги мѣстами такъ загорожены были брошенными обозами, что едва проберешься. Да, быстрѣе уходили.

О припасахъ и зарядныхъ ящикахъ, конечно, и говорить нечего. Но и вообще незамѣтно было, чтобы мы оставляли, уходя, врагу, хотя немногое

изъ того, что могло бы ему пригодиться. Даже отъ нашей монументальной конюшни съ рѣшетчатыми воротами—и то теперь одни уголечки, да развѣянный по вѣтру пепелъ.

Отступленіе, даже не вынужденное, а просто предрѣшенное заранѣе, требуетъ, все-таки, отъ солдата совсѣмъ особой выдержки и большого запаса нравственныхъ силъ. Во время натиска, наступленія, когда всѣхъ охватываетъ нервный подъемъ и пьянитъ хотя бы призрачная побѣда—и явный трусъ можетъ сдѣлаться героемъ. А отходъ требуетъ, прежде всего, именно выдержки. Тутъ уже нельзя поддаваться минутнымъ стихійнымъ импульсамъ, потому что импульсы эти, пожалуй, будутъ толкать не впередъ, а назадъ. И на первый планъ выдвигается не быстро сгорающій героическій аффектъ, а сознательное, обдуманное мужество. Это мужество имѣетъ такое же преимущество передъ аффектомъ, какъ червонное золото передъ блестящей позолоченной мѣдью.

Галиційскій отходъ былъ колоссальнымъ испытаніемъ мужества. А общую картину вы теперь всѣ уже знаете. Она приводила нашихъ враговъ въ горестное недоумѣніе.

— Что же такое? Это не полагается. Они совсѣмъ не хотятъ чувствовать себя побѣжденными.

И сплошь, и рядомъ, послѣ не совсѣмъ удачной атаки, австрійцы дружно поднимали руки вверхъ и возглашали „славу Іисусу“. Это тоже былъ, конечно, аффектъ, но отнюдь не наступательный.

Выходило такъ: благополучно заняли новыя позиціи наши пѣхотныя и артиллерійскія части. Позади осталось только наше сторожевое охране-

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
549191

ніе, да казачьи разъѣзды. Неторопливо тянется подъ горячимъ галиційскимъ солнцемъ къ новому этапу наша „летучка“. А рядомъ съ нею, въ качествѣ совсѣмъ особаго арьергарда, поднимаетъ по шоссе ѣдкую бѣлую пыль, сизо-голубая плѣнная колонна. Такъ и отходили: войска, потомъ плѣнные австрійцы, потомъ сторожевое охраненіе, потомъ опять австрійцы—еще не плѣнные.

Недѣли двѣ простояла наша летучка въ маленькой деревушкѣ у днѣстровской переправы, неподалеку отъ огромнаго болота—изъ котораго беретъ Днѣстръ свой мутный истокъ. Нашъ берегъ—возвышенный, слегка холмистый, а тотъ—луговой, раскинулся широко и кое-гдѣ только поросъ рѣдкими ветлами и ольхами. Когда нѣмцы одинъ разъ прорвались случайно къ самой нашей деревенькѣ и на этой луговинкѣ шелъ бой, мы съ нашего берега видѣли его весь, отъ начала до конца, словно на нарочно приспособленной театральной сценѣ. Видѣли даже, какъ окруженная нашими цѣпями, колонна австрійцевъ, человѣкъ пятьсотъ, побрасала ружья и подняла руки кверху. Черезъ четверть часа эти пятьсотъ, еще потные, разгоряченные и взволнованные, шли уже къ намъ по зыбкому временному мосту и, минуя руководившаго боемъ начальника дивизіи, отдавали ему честь отчетливо и предупредительно. А сзади подпрыгивалъ на низенькихъ колесахъ отбитый пулеметъ, еще горячій, словно только что скипѣвшій самоваръ.

На горизонтѣ по всей луговинѣ разбросались деревни. Однѣ—еще наши, другія—ихнія. И каждую ночь то здѣсь, то тамъ поднимались столбы яркаго зарева. Изъ одной такой деревни привезли къ намъ однажды дѣвочку-подростка съ шрап-

нельной пулей въ груди, а дня черезъ два пришелъ худой, высокій бритый старикъ и привелъ съ собой четверыхъ ребятъ, малъ-мала меньше. Ребята были славные, кругленькіе, быстроглазые,— и самый старшій озабоченно тащилъ на спинѣ узелокъ съ имуществомъ.

Старикъ объяснилъ, что ребятамъ онъ приходится дядей, но кормить ихъ не можетъ, потому что и у самого семья большая, а ѣды сейчасъ никакой нѣтъ. Такъ ужъ не возьметъ ли ихъ панъ съ краснымъ крестомъ какъ-нибудь на себя?

Потомъ, на разспросы, объяснилъ еще, что дѣти—сироты. Два дня тому назадъ влетѣлъ къ нимъ въ халупу австрійскій снарядъ. Отца убило на мѣстѣ и даже тѣло его сгорѣло вмѣстѣ съ халупой, смертельно раненая мать промучилась до вчерашняго вечера, а старшая дѣвочка—съ пулей въ груди—была у насъ на дняхъ. Дѣвочку эту мы уже отправили въ дивизіонный лазаретъ.

— Будьте такъ милостивы, пане. Пропадутъ дѣти. Може, возьмете?

Собственно, все это—не по нашей части, потому что мы должны обслуживать только армію,—и даже кормимъ мы мирное населеніе только такъ, между прочимъ,—хотя и выдаемъ имъ каждый день сотни обѣдовъ. Но дѣти—маленькіе и хотятъ жить, а старикъ смотритъ такъ вдумчиво и печально—и вопросъ рѣшается самъ собою. Дѣти остались, а старикъ, съ краюхой хлѣба и кускомъ соленаго сала за пазухой длинной холщевой рубахи, пошелъ туда, гдѣ поднимается дымъ пожарища и гдѣ рвутся наши и австрійскіе снаряды,— чтобы принести „бумагу“. Вѣдь война все-таки когда-нибудь кончится, и дѣти будутъ чувствовать

себя лучше, имѣя при себѣ хотя бы приблизительный „документъ“.

Вечеромъ старикъ вернулся съ бумагой и бумага эта, старательно написанная на измятомъ листѣ, начиналась такъ: „Списокъ нужныхъ сиротъ съ села Грушова, которымъ отца и матерь убити знарядами“... Потомъ шелъ самый списокъ, и слѣдовало примѣчаніе: „То ся зоставили безъ жадной опіки свое имущество“. А въ концѣ были подписи двухъ свидѣтелей.

На ночлегъ наши сестры устроили дѣтей тепло и уютно,—и спали они крѣпко, но у самаго старшаго личико и во снѣ было какое-то озабоченное. И съ просонокъ онъ нѣсколько разъ лазилъ рукой подъ подушку, гдѣ хранился его узелокъ съ имуществомъ.

Къ утру слухъ о томъ, что на пунктѣ—прибавленіе семейства, распространился по всей позиціи,—и одинъ за другимъ начали приходить гости. Артиллерійскій полковникъ, всю кампанію не выходившій изъ боевъ и составившій себѣ очень почетную репутацію, долго смотрѣлъ на ребятъ, какъ на какую-нибудь заморскую рѣдкость въ кунсткамерѣ, а потомъ вдругъ отвернулся и заморгалъ часто.

— Экіе такіе... Босякомъ ходятъ, стервецы... А у меня вѣдь тоже ребята есть, право... И тоже четверо...

Днемъ прибѣжалъ изъ нашего отряднаго „тыла“ автомобиль. Всю четверку мы усадили рядышкомъ на мягкое кожаное сидѣнье, не забыли и узелочекъ съ имуществомъ. И провожать отъѣзжающихъ собралась такая куча народу, что запрудили всю деревенскую улицу. Ребята держались крѣпко одинъ за другого: было имъ, должно быть,

и страшновато, и весело. Хорошо быть ребенкомъ,—но плохо, вступивъ въ возрастъ, не знать зло и добро.

Студентъ-шоферъ, пустилъ въ ходъ машину.

— До свиданья, ребята!

Понемногу разошлись, ласково подшучивая надъ сестрой, временно исполнявшей обязанности матери семейства. Полковникъ съ биноклемъ въ рукахъ самолично засѣлъ на наблюдательномъ пунктѣ. А частые гости летучки—беззаботные прапорщики и веселые подпоручики отправились по своимъ частямъ, потому что ожидалось нѣмецкое наступленіе.

Прошли еще долгіе дни тяжелаго ратнаго труда,—труда, похожаго по своей особой, какой-то истовой напряженности, на полевую крестьянскую страду. И въ этомъ трудѣ всѣ, какъ жнецы и пахари—загорѣли, покрыты потомъ и земляной пылью. Топорщатся на загрубѣвшихъ лицахъ небритыя бороды. Такое уже это трудное, крестьянское дѣло, что даже по внѣшнему облику ровняетъ всѣхъ, начальствующихъ и подчиненныхъ, полковника и ополченца.

Отходили мы отъ нашей переправы въ мутномъ разсвѣтѣ, подобравшись аккуратно, ничего не оставивъ, ни пустого ящика, ни веревочки. Только догорали, шипя, надъ черной водой дубовыя сваи уничтоженнаго моста, да на луговой сторонѣ мѣшались съ туманомъ струи багроваго дыма. Матерой звѣрь сдѣлалъ еще одинъ шагъ назадъ—и псы, ошарашенные его отпоромъ, наспѣхъ зализывали свои раны.

II.

Перевязочные пункты полагается, по возможности, развертывать въ мѣстахъ, недоступныхъ для непріятельскаго обстрѣла. Дѣлается это, конечно, не въ видахъ безопасности медицинскаго персонала, который знаетъ, на что идетъ и чѣмъ рискуетъ, а только для того, чтобы не подвергать новому и напрасному риску раненыхъ, только что вышедшихъ изъ боя и уже отдавшихъ на общее дѣло свою долю крови.

Но нынѣшняя война—хитрая и злая. Она каждую минуту готовитъ неожиданные сюрпризы, бросаетъ бомбы прямо съ неба и жалитъ на добрый десятокъ верстъ изъ своихъ длинноносыхъ пушекъ. И взвѣшивая соотношеніе между пользой и безопасностью, приходится, конечно, отдавать предпочтеніе пользѣ, то есть располагаться иной разъ и тамъ, гдѣ это не слѣдовало бы дѣлать по точному смыслу „положеній“. Подъ ружейный огонь, за самыми рѣдкими исключеніями, мы не суемся. Но къ артиллеріи приходится привыкать,—иначе, раненые Богъ знаетъ когда доберутся до перваго Краснаго Креста.

И привыкаютъ. Привыкаютъ всѣ, свѣтскія барышни и растрепанные студенты, не говоря уже о земскихъ врачахъ, которые, почему то, быстрѣе всѣхъ акклиматизируются подъ шрапнелями.

Сестра въ сѣромъ сарпинковомъ платьѣ и

„немаркомъ“ клѣтчатомъ передникѣ сидитъ на завалинкѣ у халупы, мечтательно смотритъ въ небо и дѣлаетъ спокойныя наблюденія:

— Вонъ за той горкой нѣмцы вчера поставили австрійскую батарею... Видите австрійскіе разрывы: бѣлое съ розовымъ.

А другая вноситъ эстетическую поправку:

— Не совсѣмъ розовое. Скорѣе—„заитонъ“.

— Нѣтъ, что вы... Это сейчасъ такое освѣщеніе. А когда солнце напротивъ, такъ получается настоящее розовое, даже съ легкимъ малиновымъ оттѣнкомъ.

Нѣтъ-нѣтъ и просвиститъ мимо мелкій осколокъ или солидно взвоетъ цѣлый стаканъ, а сестры все сидятъ себѣ и перекоряются объ оттѣнкахъ.

Презираютъ нѣмецкіе аэропланы. Во-первыхъ, трусы, слишкомъ высоко летаютъ, а, во-вторыхъ, попадаютъ своими бомбами въ бѣлый свѣтъ, какъ въ копѣйку. Посреди просторнаго поля, какъ разъ передъ пунктомъ, русины оставили большой стогъ сѣна,—самый невинный стогъ, да еще и сѣно плохое, съ осокой. Такъ вотъ по этому самому стогу нѣмецкіе авіаторы долбили четверо сутокъ подрядъ, утромъ и вечеромъ—и все-таки не сожгли. А сестры со студентами злорадствовали:

— Думаютъ, навѣрное, что тамъ скрытая батарея. Вотъ дураки то... Конечно, они ничего не могутъ разсмотрѣть съ такой высоты.

И въ самомъ дѣлѣ—столько тутъ сыплется сверху всякаго стальнаго, чугуннаго и свинцоваго добра, что на аэропланы никто не обращаетъ вниманія. Деревья вытянулись однимъ порядкомъ вдоль шоссе. У крайнихъ домовъ, давно сожженныхъ, пересѣкли это шоссе наши окопы. А по другую сторону деревни, верстахъ въ трехъ—

городъ съ большой узловой станціей. Задача нашего участка возможно дольше не пустить врага въ этотъ городъ, пока не закончится наша перегруппировка. И германцы—на отвѣтственныхъ мѣстахъ всегда германцы—лѣзутъ изъ кожи, чтобы сбить насъ поскорѣе, ложатся до единаго у нашихъ загражденій въ лобовыхъ атакахъ и засыпаютъ снарядами. Подвезли свои и австрійскія орудія всѣхъ сортовъ и калибровъ, и выкидываютъ иногда такое, что даже наши ближайшіе сосѣди, артиллеристы, недоумѣнно разводятъ руками.

— Чортъ ихъ знаетъ, что это за снарядъ такой?

Бьютъ бризантами по окопамъ такъ, что пыль и дымъ отъ разрывовъ поднимается одной сплошной рыжевато-бурой завѣсой. Потомъ обсыпаютъ деревню и шоссе тяжелой шестидюймовой шрапнелью. Она рвется съ рѣзкимъ стекляннымъ звономъ, а пули домонатомъ чмякаютъ вразбродъ по крышамъ и заборамъ. Свѣжему человѣку кажется, что это уже—почти адъ, но на самомъ дѣлѣ жертвъ обстрѣла бываетъ въ деревнѣ сравнительно очень немного. Другое дѣло—въ окопахъ. Туда каждый вечеръ, какъ смеркнется, уѣзжаютъ наши двуколки и подъ покровомъ ночи привозятъ раненыхъ,—тяжелыхъ артиллерійскихъ раненыхъ съ раздробленными костями и изорванными въ мелкіе клочья мускулами. Тогда у насъ начинается горячая работа. И если обстрѣлъ возобновляется ночью—его почти не замѣчаютъ. Только разъ, когда сыпалась съ потолка известка и ломались стекла въ окнахъ, заговорили сами раненые, упрашивали какъ можно скорѣе увезти ихъ подальше въ тылъ. Но надо сначала перемѣнить

повязки, наскоро наложенныя въ окопахъ ратными санитарами, впрыснуть камфару или морфій, извлечь осколокъ, удалить омертвѣвшую ткань. До безопаснаго тыла еще не близко, и приходится заботиться, чтобы всѣ эти страдальцы благополучно выдержали перевозку. Сестры и студенты въ измазанныхъ халатахъ терпѣливо уговариваютъ:

— Ничего, землячки, ничего... Вотъ скоро уже и конецъ. Сейчасъ и поѣдете... Давайте слѣдующаго!

Къ разсвѣту на пунктѣ пустѣетъ, сонные санитары заметаютъ въ кучу обрывки бинтовъ и клочья ваты. Работавшіе сбрасываютъ халаты и передъ сномъ выходятъ на нѣсколько минутъ на шоссе,—подышать. Темно и тихо. Только гдѣ-то далеко, за рѣкой, чуть слышно рокочетъ, словно лягушки квакаютъ въ пруду, случайная ружейная перестрѣлка. Надъ нѣмецкими окопами вспыхиваютъ яркія звѣздочки освѣтительныхъ ракетъ. Сестры смотрятъ на нихъ и вздыхаютъ:

— Какъ красиво!

Вздыхаютъ по какой-то другой, по настоящей красотѣ.

Но бываетъ во время этой краткой прогулки, вдругъ увидитъ скверный сонъ нѣмецкій бомбардиръ и такъ себѣ, дурьмя, ни съ того, ни съ сего, пуститъ вдоль шоссе случайную шрапнель. Вибрирующій визгъ народится въ темнотѣ, растетъ и все сильнѣе злобится, потомъ вдругъ оборвется рѣзкимъ хлопкомъ высоко надъ головами. Сестра вздрогнетъ и отъ неожиданности, и отъ предутренней прохлады, помолчитъ многозначительно и затѣмъ пошлетъ въ сторону нѣмецкихъ окоповъ

такое неблагополучное и совсѣмъ не свѣтское слово:

— Скотина!

Ворчитъ, укладываясь на соломенномъ ложѣ цокторъ, матеріалистъ и скептикъ:

— И чего бродятъ, полуночники? Спать пора, а они бродятъ.

И правда пора. Вотъ только довалиться до той же доброй, пахнущей ржанымъ хлѣбомъ и пылью, русской соломы.

Утромъ заглядываетъ на пунктъ съ обычнымъ визитомъ прапорщикъ мортирнаго дивизіона. Прапорщикъ еще очень молодъ, но считается уже старымъ служакой и на защитной груди у него виситъ серебряный солдатскій Георгій. Шагахъ въ сорока отъ насъ стоятъ на огородѣ двѣ гаубицы—и прапорщикъ надъ нимъ начальствуетъ.

Пьемъ чай. У насъ — настоящій самоваръ, а у гостя—печенье „Жоржъ“. Когда подбираемся къ третьему стакану, въ открытое окно заглядываетъ такъ называемый полицмейстеръ,—офицеръ, еще не вполнѣ оправившійся послѣ тяжелаго раненія, на котораго возложены всевозможныя нестроевыя обязанности: завѣдуетъ полицейской командой, квартирами, почтой, реквизиціями и еще чѣмъ-то.

— Какія новости, полицмейстеръ?

— Никакихъ новостей. Ночь прошла благополучно, а днемъ—что Богъ дастъ. Ждемъ, вотъ, колючую проволоку, а пока — нѣтъ-ли стаканчика чаю?

Полицмейстеръ наскоро грызетъ „Жоржа“ и, прихрамывая, исчезаетъ по безчисленнымъ дѣламъ. А докторъ съ прапорщикомъ смотрятъ другъ на друга, какъ заговорщики.

— Въ проферансъ или въ шахматы?

— Давайте лучше въ шахматы. Проферансъ вчера былъ.

У нашего сосѣда заготовленъ, на всякій случай прочный блиндажъ, но тамъ темно и сыро, и прапорщики предпочитаютъ жить въ халупѣ. У него тѣснѣе, чѣмъ на пунктѣ, но уютнѣе, и даже расписаны голубыми цвѣточками стѣны. По самодѣльной доскѣ двигаются облупленныя шахматныя фигурки, а я, хотя и не проявляю способностей въ этой возвышенной игрѣ, сижу и смотрю на нихъ съ интересомъ, потому что немножко надоѣло уже смотрѣть на поле и на окопы. Надъ игроками размахиваютъ по стѣнѣ тонкимъ маятникомъ австрійскіе часики. Прапорщикъ старательно заводитъ ихъ каждое утро. Гдѣ-то начинается, приближаясь и наростая, орудійная перестрѣлка, но къ ней совсѣмъ не хочется прислушиваться. Лучше пусть будетъ все время вотъ такъ, какъ сейчасъ: тихо и мирно.

Въ пристройкѣ дудитъ телефонъ съ наблюдательнаго пункта, потомъ у порога вытягивается вѣстовой и коротко докладываетъ:

— Ваше благородіе, къ бою!

— Ага, сейчасъ...

У двухъ, упершихъ широкія жерла въ небо, гаубицъ, копошатся номера, ворочаютъ хоботъ, наводятъ, подчиняясь указаніямъ запрятаннаго гдѣ-то далеко наблюдателя. Орудія—чистенькія, аккуратненькія, съ иголочки новыя. Прапорщикъ любитъ ихъ ревнивой любовью, гладитъ по стальнымъ спинкамъ и даже, кажется, нѣжно щекочетъ пальцами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ у нихъ можно предположить подбородокъ. Съ готовностью объясняетъ всякія мелочи, напримѣръ, почему

у полевыхъ скорострѣлокъ патронъ унитарный, а у нихъ зарядъ закладывается въ отдѣльную этакую мѣдную кастрюльку.

Провѣряетъ прицѣлъ, развертываетъ книжку для записей.

— Откройте ротъ, докторъ... Первая... Огонь!

Гаубица съ неуловимой быстротой словно присаживается на корточки и выплевываетъ въ облака гранату. И стремительно улепетываетъ въ щель подъ сараемъ какая-то не въ мѣру любопытная собаченка. Собаки вообще антимилитаристы и стараются держаться подальше отъ слишкомъ шумныхъ вещей. Зато кошки въ самый разгаръ бомбардировки, когда вокругъ свистятъ и воютъ осколки и ни одной живой души не видно на улицѣ—спокойно сидятъ на заборахъ и умываются.

— Правѣе ноль, пять... Огонь!

Съ наблюдательнаго пункта дали знать, что нѣмцы позади своихъ окоповъ ведутъ какую-то большую земляную работу,—должно быть, собираются установить тяжелую батарею. Прапорщику поручено ихъ разогнать и вотъ теперь онъ орудуетъ не спѣша, тщательно обдумывая каждый прицѣлъ.

Послѣ четвертаго выстрѣла телефонъ принесъ пріятную вѣсть: въ самую точку. Бѣгутъ. Прапорщикъ послалъ еще двѣ гранаты, потомъ, для финала—шрапнель. Со вздохомъ свернулъ свою книжку.

— Нельзя больше. Такъ значитъ, вашъ ходъ, докторъ.

На нашемъ фронтѣ, какъ и всюду, у нѣмцевъ было огромное преимущество въ артиллеріи, но, по счастью, далеко было нѣмцамъ въ мѣткости

стрѣльбы до нашего тихаго прапорщика. И на то, что прапорщикъ достигалъ пятью выстрѣлами, они тратили пятьдесятъ, вызывая его презрительную воркотню:

— Съ жиру бѣсятся. Что они, однимъ шумомъ думаютъ насъ испугать что-ли? Такъ вотъ у насъ сестрицы—и тѣ шуму не боятся.

А сестры возражали безъ всякой дипломатіи:

— Нѣмцы—ничего. А вотъ когда вы сами стрѣлять начинаете, такъ стаканы со стола падаютъ и потомъ въ ушахъ звенитъ цѣлый день... Хорошо еще, что вы рѣдко...

— Какое же тутъ хорошо, если рѣдко—обидѣлся сосѣдъ.—Ничего вы не понимаете, право... Я вамъ всегда совѣтовалъ ротъ открывать, а вы не слушаете.

Такъ вотъ и каждый день. Безтолково озорничаютъ аэропланы, хлопаютъ, какъ шампанскія бутылки, шрапнели. Въ точности изучили мы всѣ оттѣнки разрывовъ: бурый, зеленый, краснобѣлый. А по затишью въ стрѣльбѣ знали, когда нѣмцы обѣдаютъ и пьютъ кофе. Было однообразно, и какъ разъ во время случилось нѣчто новое. Однажды послѣ полудня что-то вдругъ заревѣло, загудѣло, зажевало, зашамкало—ни на что не похожее и ни съ чѣмъ не сообразное. Халупа наша затряслась, какъ осиновый листъ, и чувство было такое: вотъ-вотъ это гудящее и шамкающее влетитъ прямо въ окошко. Но не влетѣло, а лопнуло гдѣ-то въ сторонѣ и только осколки полетѣли черезъ крышу, присвистывая и подвывая съ настоящей итальянской колоратурой.

Какъ изъ-подъ земли выросъ прапорщикъ и видъ у него почему-то торжествующій.

— Слышали? Это они свою тетку Берту поставили.

— Эту самую... сорокадвухсантиметровую?

— Н-нѣтъ... Та, пожалуй, еще погуще будетъ. Вотъ, сейчасъ узнаемъ.

Искать недолго. У насъ же на дворикѣ подобрали еще горячій кусокъ снаряднаго днища и по нему вычислили діаметръ. Вышло не шестнадцать дюймовъ, а всего только тринадцать съ половиной.

— Ну, все-таки! — сказали сестры. — Кусокъ такой тяжелый... Едва поднять можно.

— Страшно?

— Конечно, страшно. Какъ-то жуетъ онъ, когда летитъ... Да ничего, мы привыкли.

Прошло немного времени и грозные чемоданы сдѣлались такими же буднями, какъ и все остальное. Въ деревню они, впрочемъ, падали рѣдко. Нѣмцы все больше пускали ихъ черезъ наши головы въ городъ. Провоетъ, промяучитъ гдѣ-то въ поднебесьи и долго спустя дойдетъ до слуха глуховатый звукъ разрыва.

Несмотря на почти безпрерывный обстрѣлъ, въ нашей деревнѣ до самаго послѣдняго момента оставались не только тѣ, кто обязанъ былъ здѣсь находиться по своему долгу, но и самые обыкновенные мирные люди, и какъ разъ тѣ, кому, казалось бы, меньше всего слѣдовало быть на войнѣ: старики, женщины, дѣти. Все—бѣднота, которой некуда и незачѣмъ было уходить съ родныхъ мѣстъ. Ютились по пивницамъ, по подваламъ, по наскоро вырытымъ землянкамъ. И однажды, когда отъ непріятельскаго огня загорѣлись халупы, нашимъ солдатамъ пришлось съ опасностью для

жизни спасать изъ этихъ подваловъ задыхающихся отъ дыма, обезумѣвшихъ людей.

Идетъ обстрѣлъ—и всюду пусто, какъ вымерло. Небольшое затишье—и вотъ уже дряхлый старикъ тащитъ куда-то на веревкѣ упрямую корову, одна баба идетъ къ рѣчкѣ полоскать бѣлье, другая переругивается съ сосѣдкой по поводу взятаго взаймы корыта. А ребята играютъ.

Нашли гдѣ-то передокъ разбитой телѣги и скатываются на немъ въ отлогую яму. Скатятся до самаго дна, потомъ съ визгомъ и хохотомъ затащутъ передокъ наверхъ и опять скатятся. А черезъ полчаса, еще стоялъ въ ушахъ этотъ смѣхъ — пришелъ на пунктъ блѣдный, бѣлѣе смерти, русинъ.

— Ратуйте, панове... Бо моему хлопчику пулей оторвало ноги.

Захватили что нужно, пошли. Затишье уже кончилось и на шоссе пусто. Мечется по полю не то просто испуганная, не то раненая корова. Въ избенкѣ съ земляным поломъ лежитъ тотъ самый хлопчикъ, что былъ всѣхъ голосистѣе у отлогой ямы. Помочь уже ничѣмъ нельзя, шрапнель не пожалѣла: оторвала ноги стаканомъ и еще всадила осколокъ въ самое сердце.

Ребенка похоронили вечеромъ того же дня. Священника не было. Могилу вырыли наши солдатики, а старый дѣдъ прочелъ короткія молитвы, и сказалъ еще, бросая первый комъ земли на грубо сколоченный гробикъ:

— Спи, хлопче. Ты—счастливый. Уже отмаялся.

Можетъ быть, была въ его словахъ глубокая, нажитая долгимъ опытомъ житейская мудрость, но не мирилась съ нею душа. И такъ хотѣлось,

чтобы зачлась эта новая капля невинной крови за тѣми, кто вынудилъ насъ пойти навстрѣчу темному и жестокому бѣдствію войны.

Спи, хлопче. Но мы запомнили. И, придетъ часъ—расплатимся.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

А

Тип. Имп. Ник. воен. акад. Петроградъ. Суворовскій пр., 32-б.

Петроградъ, дозволено военной цензурой 8 февраля 1916 г.

Изданія состоящаго подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Государя Императора покровительствомъ Скобелевскаго Комитета, для выдачи пособій потерявшимъ на войнѣ способность къ труду воинамъ.

Петроградъ, Мытнинская ул., д. 27.

Пребываніе въ германскомъ плѣну и геройскій побѣгъ изъ плѣна. **Румша**. . . . . Цѣна **1 р.**

Шпіонъ. По мемуарамъ нѣмецкаго шпіона. Пер. Е. Руссатъ . . . . . Цѣна **1 р.**

Мирные завоеватели. Маркъ Чертванъ. Повѣсть изъ жизни и дѣятельности нѣмецкихъ шпіоновъ въ Россіи . . . . . Цѣна **35 к.**

„Бѣлый Генералъ"—**М. Д. Скобелевъ.**—Въ народныхъ сказаніяхъ со снимками съ народныхъ лубочныхъ картинъ Л. В. Евдокимовъ. Изданіе 2-е дополненное . . . . . Цѣна **40 к.**

„Священный стягъ". Сборникъ новыхъ стихотвореній на сюжеты текущихъ военныхъ событій. Дмитрія Цензора . . . . . Цѣна **50 к.**

„Поклонъ героямъ". Стихи Изабеллы Гриневской. . . . . Цѣна **60 к.**

„Отзвуки войны". Сборникъ стихотвореній . . К. Съ предисловіемъ автора и приложеніемъ стихотворенія М. Конопницкой: „Къ границѣ" . . . . . Цѣна **60 к.**

„Впередъ смѣлѣе". Сборникъ стихотвореній на сюжеты текущ. воен. событій Е. Хмельницкой . . . . Цѣна **50 к.**

Правила почтовыхъ сношеній частныхъ лицъ съ чинами дѣйствующей арміи ранеными и больными воинами. Съ приложеніемъ примѣрныхъ адресовъ и памятныхъ листковъ . . . . . Цѣна **10 к.**

Великая Русь въ борьбѣ съ нѣмцами. На память русскому народу. Ѳ. Ѳ. Скворцовъ . . . . . Цѣна **40 к.**

„Зарницы войны". Е. Руссатъ. Повѣсти, разсказы и наброски съ театра военныхъ дѣйствій . . Ц. **1 р. 50 к.**

Пѣсни о нѣмцахъ и туркахъ. Голикова (Wega) . . . . . Ц. **1 р. 25 к.**

„Вторая Отечественная война, по разсказамъ ея Героевъ".

Новое роскошное изданіе, популярно и правдиво излагающее событія текущей освободительной борьбы противъ германизма, выпавшей на долю исторической защитницѣ и собирательницѣ славянъ, нашей великой родинѣ—Россіи.

Крайне интересный, захватывающій по своему содержанію текстъ изданія составляется по подлиннымъ разсказамъ участниковъ войны извѣстными русскими литераторами, рисунки-же исполняются лучшими петроградскими художниками и иллюстраторами по имѣющимся въ распоряженіи Комитета фотографіямъ, наброскамъ и другимъ безспорнымъ документамъ съ театра военныхъ дѣйствій. Выходитъ выпусками. Всего 30 вып. по предварительной подпискѣ . . . . . 7 р. 50 к.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:

при полученіи первыхъ выпусковъ (наложеннымъ платежомъ) 2 руб. 50 коп. за вычетомъ задатка; остальныя ежемѣсячными взносами отъ 1 руб. до полной уплаты всей подписной суммы.

Тоже изданіе въ роскошныхъ съ золотымъ тисненіемъ каленкоровыхъ переплетахъ (3 тома). Цѣна—9 руб., пересылка и упаковка за счетъ подписчиковъ по дѣйствительной ихъ стоимости. Задатокъ при подпискѣ не менѣе 1 руб.

Тип. Имп. Ник. воен. акад. Петроградъ Суворовскій пр., 32-6.